

В.И. Добреньков, докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой истории и теории социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

А.И. Кравченко, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: КРИТИКА И ДИССИДЕНТСТВО

Социология диктует особую социально-политическую позицию своим приверженцам. Она связана с активной гражданской позицией, заинтересованным и деятельным участием в общественной жизни своей страны и мира в целом. Ее можно характеризовать как социальный и политический активизм, о котором и идет речь в представленной статье.

Ключевые слова: академическая социология, академическая нейтральность, социополитический активизм.

Sociology dictates the particular socio-political position of his followers. It is associated with active citizenship, interested and active participation in public life of the country and the world at large. It can be characterized as a social and political activism, and which referred to the submitted article.

Key words: academic sociology, academic neutrality, socio-political activism.

Несмотря на академическую нейтральность и свободу от политики, социология диктует особую социально-политическую позицию своим приверженцам. Она связана с активной гражданской позицией, заинтересованным и деятельным участием в общественной жизни своей страны и мира в целом. Ее можно характеризовать как социальный и политический активизм.

Социальный активизм социологов — это участие всего профессионального слоя либо его части в происходящих в стране социальных процессах, присоединение к общественным инициативам, фондам поддержки и солидарности, выступления в средствах массовой информации, организация союзов и ассоциаций.

Политический активизм социологов надо понимать как участие в пассивных или активных формах политической борьбы, продвижение во власть и занятие властных постов, призыв (устный или печатный) к политическим действиям.

То, что современные социологи и политологи не отгорожены от внешнего мира, а являются его активной, созидающей силой, ни для кого не секрет. Выступление социологов по телевидению, на

*Добреньков Владимир Иванович, e-mail: soc@socio.msu.ru, vid@socio.msu.ru

**Кравченко Альберт Иванович, e-mail: theory@socio.msu.ru

страницах журналов и газет, их участие в политических митингах и манифестациях, консультирование политических партий, участие в предвыборной борьбе, многочисленные заявления, предупреждения, советы — все это неперенная составляющая деятельности ученых, свидетельствующая о глубокой политической ангажированности социологии.

Социологи давно уже вышли из кабинетов на улицу и проникли в политические круги. Они не только описывают окружающий мир, но и формируют его — кто-то в большей, а кто-то в меньшей степени.

Слитность социологии и политики проявляется двояким образом. С одной стороны, большая часть обывателей и политиков, не имеющих профессиональной подготовки в области социологии, считают себя вполне компетентными для того, чтобы оценивать действия профессиональных социологов или вмешиваться в них. Социология, открытая снизу, доступна суждениям здравого смысла, тому, что Платон именовал “мнением непросвещенной толпы”.

С другой стороны, профессиональные социологи считают себя вполне компетентными для того, чтобы судить о политике, экономике или повседневной жизни, а также направлять, контролировать их или управлять ими. Стремясь быть понятными толпе, социологи, забыв о своем этическом кодексе и профессиональном долге оставаться всегда учеными, переходят на пространный язык повседневности и превращаются в специалистов по общим вопросам. Таким образом, действительность не защищена от некомпетентного вторжения социологов сверху.

Профанация социологической науки происходит как в первом, так и во втором случае. В первом социологией пытаются управлять несоциологи, во втором социологи стремятся поучать политиков.

П. Бурдьё, посвятивший много времени изучению внутреннего мира социологии, высмеивал “интеллектуалов”, считающих себя вправе судить обо всем от имени социальной компетентности, не зависящей от их профессиональной компетенции. “Очень часто, — пишет он, — интеллектуалы ссылаются на общественно признанную за ними компетенцию (почти в юридическом смысле слова) говорить со знанием дела, далеко выходя за границы своей профессиональной дисциплины, особенно в области политики. Такая узурпация, составляющая основу интеллектуальной амбиции на старый манер — знать ответы на все вопросы, — встречается практически во всех областях мысли. В другой форме ее можно обнаружить у аппаратчика или технократа, ссылающегося на диамат или экономическую науку, чтобы занять господствующее положение”¹.

¹ Bourdieu P. Questions de sociologie. P., 1980. P. 73.

Политическая автономия, на которую претендует университетская социология, во все времена была вещью очень хрупкой и ненадежной. Ее нельзя считать раз и навсегда положенной данностью. Социология находится в тисках между бюрократическим меценатством и рыночной конъюнктурой.

Рождение социологии в России было тесно связано с политикой. В 60-е гг. XIX в. и в 60-е гг. XX в. отечественных социологов считали политически неблагонадежным элементом, чуть ли не подпольщиками и диссидентами, готовыми низвергнуть существующий строй либо подорвать его моральные устои. В первом случае социологов объявил своим врагом царский режим, во втором это сделала советская власть. Поскольку и на Западе социологи не только оправдывали, но и критиковали существующее положение дел, то радикализм можно считать универсальной чертой мировой социологии, не зависящей ни от страны, ни от эпохи. Действительно, социологи, досконально изучившие скрытые механизмы управления обществом, полагали, что они знают тонкости общественного управления лучше правительств, члены которых являются не только дилетантами в сфере общественнознания, но и людьми заинтересованными. Огромная доля правды в такой критике, разумеется, была. Вопрос лишь в том, что удалось бы сделать социологам, приди они к власти? Сумели бы оппоненты правительств стать эффективными практиками и сохранили бы они чистоту своих убеждений, на практике столкнувшись с коррупцией, продажностью и всевластием чиновников?

Наряду с универсальными чертами социологов в роли политиков надо выделить региональные штрихи, в нашем случае — российские. На протяжении полутора веков существования в России социологии ее представители вынуждены были не только “учиться у Запада”, конкурировать и догонять развитые страны, но и (причем по совершенно объективным причинам) находиться в вечной оппозиции. Передовой Запад догоняла не только наша наука, но и все наше общество. Сталин однажды отметил 100-летнее отставание России от передового мира. Возможно, для экономики нужны иные мерки, для культуры — свои (скажем, уже не 100, а 200 лет), однако для социологии, точнее, процесса ее институционализации, цифра 100 оказывается максимально подходящей: первый социологический факультет в США был открыт в 1892 г. (Чикагский университет), а в России — только в 1989 г. (МГУ).

Отставание развития общества и отставание развития науки — повод для глубоких размышлений. Социологически мыслящей в России была фактически вся интеллигенция. Неслучайно историки указывают на генетическое родство социологии и публицистики с самых первых шагов их становления. Культурный и экономиче-

ский разрыв с Западом — исключительно региональный фактор развития социологии в России, неизвестный другим странам. Попытка его устранить или хотя бы сократить его воздействие всегда упиралась в вопрос “Как обустроить Россию?”, а ответ на последний требовал уже политических шагов. Вот почему в России социолог, как бы он сам ни желал обратного, был политически ангажированным субъектом творчества.

Критиковать общество социологам, и прежде всего российским, приходилось потому, что оно постоянно либо отставало, либо пятилось назад, либо вообще двигалось не в ту сторону. Общественный долг социолога — сообщать, куда надо двигаться обществу. Но когда социологи это делают — неизбежно следуют санкции: власть сажает их в тюрьмы, высылает из страны, понижает в должности и т.п. Поскольку лучше всех о векторе развития общества знает только социолог, ему больше всех и доставалось. В России «...по отношению к социологии со стороны властей предрержащих с самого начала сложилась традиция однозначно-негативного восприятия. До 1861 г. термин “прогресс” был официально запрещен (в архивных материалах исследователи находят соответствующие циркуляры правительственных органов). Подвергалось гонениям и слово “эволюционизм” (особенно со стороны теологов, усматривавших в нем материалистический смысл)... При учреждении кафедры социологии при Психоневрологическом институте в 1908 г. министр народного просвещения Шварц заявил на приеме, что социология — предмет, который компрометирует учебное заведение, и отказывается удовлетворять ходатайство Совета института. Термин “социология” не принято было использовать в преподавании этой дисциплины»². В начале XX в. выдающийся русский социолог М. Ковалевский, с мнением которого считалась вся общественность, при возвращении на Родину был остановлен на границе жандармом: “Нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете... В России это невозможно”³. Социологическую литературу изымали и советские власти в конце XX в. Ее считали крамольной потому, что в ней говорилось о том, как должно быть устроено общество, в котором нет коррупции, бюрократии, притеснений, т.е. всего того, без чего не могли обойтись чиновники, выпускавшие запретительные циркуляры.

Социологи и чиновники вынуждены быть непримиримыми врагами. Они, к сожалению, останутся таковыми навсегда, ибо у них одно и то же поле деятельности, общая сфера интересов, об-

² Кукушкина Е.И. Русская социология XIX — начала XX века. М., 1993. С. 9.

³ Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Вып. 1. СПб., 1913.

ший круг забот — общество, только одни думают о том, как бы урвать побольше от общего пирога, а другие — чтобы досталось и другим. Сажать зарвавшихся чиновников в тюрьму — задача правоведов. Социолог же придумывает такие механизмы и институты, которые не допускают казнокрадства как общественного явления. Чиновники и социологи, практики и теоретики общественной борьбы, находящиеся на противоположных полюсах социального континуума, вынуждены всегда враждовать, противоборствовать, бороться друг с другом. Социологи отменяют институт бюрократии в принципе, а чиновники, кормящиеся от него, защищают его всеми доступными средствами, в том числе преследуя и высылая социологов.

Дореволюционную социологию в России отличает от западно-европейской социологии не просто политическая, но оппозиционно-политическая направленность. Подобную характеристику можно распространить на весь период развития отечественной социологии. Кроме того, надо объяснить, что оппозиционность проистекает вовсе не из особых нравственных или психологических качеств социологов, недовольства властями и режимом. Социологи критикуют власти потому, что хотят изобличить недостатки общества и устранить их.

Обычно политический активизм пробуждается у отечественных социологов в переломные или переходные эпохи. Таковой для многих явилась Октябрьская революция 1917 г. Блестяще закончив Петербургский университет, П. Сорокин вдруг прекращает научную деятельность, целиком погрузившись в деятельность политическую. После Февральской революции П. Сорокин был секретарем А. Керенского по проблемам науки. В 1918 г. он — почетный член Учредительного собрания, публицист и редактор ряда эсеровских изданий, страстный критик марксизма и теории классовой борьбы. В итоге — тюрьма и угроза расстрела, от которого его спасает статья В.И. Ленина “Ценные признания Питирима Сорокина”. Спасает для того, чтобы в 1922 г. вместе с другими выдающимися интеллигентами России выслать П. Сорокина из страны навсегда. “Исход в политику” в кризисные времена становится явлением, как правило, массовым. Так, после февраля 1917 г. многие социологи, находившиеся в идейной оппозиции царизму (В. Чернов, П. Милоков, П. Сорокин, Н. Кондратьев, Н. Тимашев, Ф. Степун и др.), пошли на службу Временному правительству. Другие социологи выражали свою оппозиционность иначе: многие засели в различных “культурно-просветительных комиссиях” и наводнили книжный рынок брошюрами, пропагандирующими буржуазную демократию. “В подавляющем большинстве они не приняли Октябрьскую революцию, и когда русская буржуазия, потерпев поражение в гражданской войне, сделала ставку на мирную, эко-

номическую реставрацию капитализма, многие из них открыто выступили в поддержку этой линии. В ответ коммунистические руководители поставили вопрос о жестком контроле над программами и содержанием курсов по общественным наукам, о необходимости непримиримой борьбы с враждебными идейными течениями”, — пишут И.А. Голосенко и В.В. Козловский⁴.

Редко кому удавалось быть свидетелем на столь небольшом отрезке времени столь значительных революционных событий, которые имеют для социолога одну неприятную особенность — проходить и уже никогда не повторяться. Две русские революции, две мировые войны, русско-японская, затем гражданская, а позже и холодная войны определили основные векторы жизненного пути П. Сорокина и дали богатейший материал для аналитических рассуждений. Об этом свидетельствуют названия его важнейших книг: “Социология революции”, “Кризис нашего времени”, “Власть и мораль”, “Голод как фактор”. В статье “Современное состояние России”, опубликованной в журнале “Новый мир” в № 4 за 1992 г., П. Сорокин дает оценку потерь, которые понесла Россия во время войны и революции начиная с 1914 и по 1921 г.

Для социолога, отдавшего свою молодость романтическим увлечениям революционными идеями⁵ (а через подобную героику прошли почти все великие личности российской философии и социологии конца XIX — начала XX в., вспомнить хотя бы Н. Бердяева), а затем оказавшегося свидетелем и жертвой революционной диктатуры большевиков, стало почти неизбежным обращение к проблемам социологии революции. П. Сорокин так и остался в мировой социологии единственным крупным мыслителем, кто постиг этот феномен на личном опыте, застав сразу три революции — 1905, Февральскую и Октябрьскую, — и имея уникальную возможность изучать это явление всеми доступными средствами, в том числе включенным и невключенным наблюдением, зная не понаслышке содержание всех фаз революционного движения. Уже в 1919 г. он исследует самые злободневные проблемы российской действительности — войну, революцию, голод. История страны, глазами включенного наблюдателя, описана в “Листках русского дневника”.

Социальный активизм — отличительная черта не только российской, но и в не меньшей степени всей западноевропейской интеллигенции. А. Эйнштейн, Н. Бор, П. Пикассо, Э. Золя, Ж.П. Сартр, М. Фуко, И. Монтан, Дж. Фонда прославились не только своей

⁴ Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995. С. 33–34.

⁵ Накануне революции 1917 г. П. Сорокин был активным членом партии социалистов-революционеров.

профессиональной, но и общественной деятельностью. Именно их социальный и политический активизм позволяет называть их интеллектуалами. Интеллектуалы используют свой личный авторитет и статус, завоеванные в науке, изобразительном искусстве, литературе, для участия в политических дебатах. Их голос оказывается услышанным в силу их известности. Профессиональный статус является гарантией высокого общественного статуса.

Социолог не может стоять вне определенной системы ценностей. От его нравственной позиции зависит то, каких научных успехов он добьется и какое влияние на общество сможет оказать. П. Бурдьё занимал активную жизненную позицию, будучи ученым, политическим активистом, издателем и редактором. Исследователь его творчества Н. Кауппи так написал о нем: “В середине 90-х Бурдьё стал пламенным защитником безработных и вышел вместе с ними на парижские улицы; также он принялся разоблачать экономические доктрины неолиберализма; короче, он сделался сартровским интеллектуалом в полном смысле этого термина. Большинство наблюдателей сочло, что этот прыжок из библиотеки на улицу разорвал биографию Бурдьё надвое: на карьеру ученого-социолога и на жизнь активиста-общественника. Стержнем общественной деятельности Бурдьё стали моральный пафос и идеалы, отсутствующие, как принято считать, в его научных трудах. И верно: согласно его теории, сопротивляясь власти господствующих классов, мы, скорее, воспроизводим, чем подрываем это господство — то есть Бурдьё-теоретик смотрит на социальную реальность весьма пессимистично. Напротив, в своей деятельности интеллектуала-практика Бурдьё наглядно доказал эффективность своих стратегий сопротивления господству и глобализации. Однако это отделение созерцания от действия, теории — от практики, критики власти интеллектуалов — от пользования ею в жизни слишком безусловно красиво, чтобы быть правдой. Вместо того чтобы акцентировать поляриность этих противоположностей, я хотел бы высказать предположение, что два Бурдьё — молодой и старый — имеют одно связующее звено, и это звено — этика. Этика всегда присутствовала в работах Бурдьё при всей их научности. Республиканские ценности позволили Бурдьё перейти от теории практики к практике теории, обнажив при этом противоречия и амбивалентность как его научной работы, так и его деятельности в качестве политического активиста. Без этики теория не может стать практикой. Без этики научная легитимность не может быть использована в качестве символической власти”⁶.

⁶ *Кауппи Н.* Социолог как моралист: “практика теории” у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция. URL: <http://scripts.online.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm>

Защищая социальный активизм, П. Бурдьё одновременно выступает против “редукции к политическому”, которая влечет за собой отказ от логики научного метода: “...свести роль исследователя к роли простого активиста, не имеющего других целей и средств, кроме целей и средств обыкновенного политика, означает уничтожить его в качестве ученого, способного поставить оружие науки на службу преследуемым целям; и главное, способного дать средства понимания, среди всего прочего, тех ограничений, которые социальные детерминанты активистских диспозиций налагают на критику и на действия этих активистов”⁷.

Политическое действие у П. Бурдьё должно быть наделено этической критикой, только в таком случае оно способно стать политической силой⁸. П. Бурдьё полагал, что социология (и в теории, и на практике) должна защищать демократические идеалы, а конкретнее — отстаивать республиканские ценности. Основная задача социолога — научное исследование феномена социального неравенства, а задача интеллектуала — символическая борьба за справедливость и равенство. Цель предложенной П. Бурдьё социологической программы — построение справедливого, основанного на республиканских ценностях общества. Подобно Платону, П. Бурдьё увязывает общечеловеческий этический проект — создание справедливого общества — с проектом научным, т.е. с поиском истины.

По мнению Н. Кауппи, сегодня и для Франции, и для Европы, и для США П. Бурдьё не просто ученый, добившийся больших успехов, но фигура бóльшего масштаба. Во французской прессе он предстает как опасный человек, один из тех, кому хватает духа взять огонь на себя, когда встает вопрос о власти интеллектуалов. В этом смысле публичный имидж П. Бурдьё во Франции воспроизводит черты французского героического интеллектуала, романтика, в одиночку противостоящего коллективным предрассудкам и иллюзиям. Он один достаточно храбр, чтобы пролить свет на реальное положение дел. Он совмещает в себе радикального политического активиста и ученого, развенчивающего мифы⁹.

Заявив о своей политической активности, П. Бурдьё выступает на стороне социально обделенных, находящихся под угрозой исключения или уже исключенных из общества групп: алжирских эмигрантов, безработных, молодежи парижских окраин, крестьян, выступающих против неолиберального репрессивного законодательства. Он занимает позицию ангажированного социолога — “уче-

⁷ Bourdieu P. La cause de la science. Comment l'histoire des sciences sociales peut servir le progrès de ces sciences // Bourdieu P. Op. cit. P. 9.

⁸ Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action. P., 1994. P. 243.

⁹ См.: Кауппи Н. Указ. соч.

ного-борца” вслед за Ж.П. Сартром и М. Фуко. П. Бурдьё выступает на митингах и демонстрациях, навлекая нарекания академической общественности. П. Бурдьё постоянно обращается к исследованию политических сюжетов, а после войны в Персидском заливе он стал выступать за активную роль социолога в политическом процессе, за то, что необходимо анализировать и развенчивать современную политику как поле социального господства¹⁰. В 1995 г. на Лионском вокзале в Париже П. Бурдьё защищал интересы безработных железнодорожников, а затем подписал призыв к солидарности с работниками коммунальных служб, которым грозили массовые увольнения. В 1996 г. П. Бурдьё выступил с разоблачительной публикацией против французских СМИ в своей небольшой работе “О телевидении”, а следующую работу “Акты сопротивления” посвятил разоблачению мифа о триумфе неолиберальной экономической доктрины¹¹. П. Бурдьё призывал интеллектуалов не оставаться в стороне от критики неолиберальной политики, ибо ситуация в мире может измениться таким образом, что обладатели “чистого” знания почувствуют вину за его неиспользованность¹². Сегодня, как говорил П. Бурдьё, очень важно, чтобы независимые исследователи присоединились к социальному движению, и прежде всего в связи с политикой глобализации, точнее сказать, ее критикой. Задача социолога, по П. Бурдьё, — “сопротивляться неолиберальной политике”.

П. Бурдьё разоблачает суть индивидуализма, порожденного им “хомо экономикуса”, а также неолиберализма в целом. Неолиберализм защищает тех, чьи интересы он выражает: акционеров, финансовых операторов, промышленников, высших менеджеров, консервативных политических деятелей, которые требуют сокращения производства путем заверения о растущей свободе (*laisser-faire*) и выбрасывают на улицу миллионы людей.

М. Фуко в 1971 г. организовал Группу информации о тюрьмах (ГИТ) и активно участвовал в ее деятельности. Он также активно выступал против смертной казни и расизма. В 1975 г. по итогам своей общественной активности он выпустил книгу “Надзирать и наказывать”, сыгравшую большую роль в последующем изучении пенитенциарной системы. В 1978 г. М. Фуко дал пространное интервью, в котором рассуждал о власти и сопротивлении ей: “...думаю, что существует тысяча вещей, которые необходимо проделать, изобрести, изготовить для тех, кто, признавая властные от-

¹⁰ См.: Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 317–318.

¹¹ См.: Кауппи Н. Указ. соч.

¹² См.: Бурдьё П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25).

ношения, в которые они вовлечены, решил сопротивляться им либо избегать их”¹³. С 1970 по 1984 г. М. Фуко подписал бесчисленное количество петиций и манифестов, организовал множество протестных акций. В 1981 г. в ходе кампании в защиту мигрантов М. Фуко говорил: “Людское горе не должно быть безмолвным осадком политики. Оно дает полное право восстать и обратиться к тем, в чьих руках находится власть”¹⁴.

Профессор социологии Американского университета в Каире С.Э. Ибрагим, изучавший дискриминацию коптов, три года просидел в египетской тюрьме за свои демократические убеждения. В 2000 г. египетская полиция арестовала профессора и двух его сотрудников, наставив на них оружие, и продержала 45 дней в заключении без предъявления обвинений. Полиция обыскала квартиру С.Э. Ибрагима и вывела его на улицу, где, по его же словам, он увидел 200 солдат и 15–20 машин бронетехники, чего было бы достаточно для вторжения в небольшой город. За арестом последовали три года судебного разбирательства и тюремного заключения. С.Э. Ибрагим возглавляет Центр исследований проблем развития им. Ибн-Хальдуна в Каире. Доклад группы наблюдателей о выборах 1995 г. в Египте, работой которой он руководил, способствовал тому, что 18 проигравших кандидатов подали иски на правительство и добились успеха в суде. По словам С.Э. Ибрагима, он отказался от предложения властей освободить его с условием, чтобы он “не открывал рта”. Вместо этого, вернувшись в Американский университет в Каире, он прочитал лекцию, на которую пришли тысячи людей. После этого его снова подвергли допросам и заключили в тюрьму. В марте 1995 г. после вмешательства администрации Буша суд, наконец, снял с него выдвинутые властями обвинения. В 2004 г. на открытом форуме Института “Открытое общество” в Нью-Йорке С.Э. Ибрагим призвал к созданию “коалиции честных людей”, которая противостояла бы как вторжениям, так и диктатуре, сказав, что такая коалиция могла бы поддержать существующее в мусульманских странах стремление к подлинной демократии. С.Э. Ибрагим намерен создать информационную сеть, которая могла бы стать рупором идей демократизации. В интервью “EurasiaNet” С.Э. Ибрагим заявил, что интеллигенция не может соревноваться с медресе и экстремистами, ее могут услышать тысячи или десятки тысяч, но нужно, чтобы услышали миллионы. Он отметил, что с конца 2002 г. ситуация в Египте изменилась к лучшему. Правительство официально признало празднование

¹³ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М., 2005. С. 280.

¹⁴ Цит. по: Эрибон Д. Мишель Фуко. М., 2008. С. 308.

коптского рождества, предложило назначить женщину в Высший конституционный суд, распустило ряд пользующихся дурной славой судов и заявило о создании государственной комиссии по правам человека¹⁵.

У южно-африканских социологов в период апартеида не было выбора — быть ученым или общественным и политическим деятелем. Большинство из них играли обе роли. Разные точки зрения на борьбу с апартеидом выливались в разные социологемы, течения мысли, социальные практики, идеологические убеждения. “Связь между социологами и борьбой с апартеидом была самой прямой”, — пишет Ф. Хендрикс¹⁶. Поколение молодых людей 1960—1980-х гг. пришло в социологию, чтобы понять сущность апартеида и найти способы борьбы с ним, так как в социологии они видели форму социального активизма и себя видели не столько в качестве ученых, сколько в качестве борцов. Социологические теории, которые изучались в аудитории, молодежь несла в рабочее и студенческое движение, использовала в пропаганде против апартеида. Забастовка в Дурбане в начале 1970-х гг. и студенческие волнения оказали на жителей ЮАР огромное воздействие¹⁷. Первая стала поворотным пунктом в истории ЮАР, так как знаменовала антагонистическое противоречие между правящим меньшинством и трудовым большинством страны¹⁸.

Р. Коген родился в Йоханнесбурге, активно участвовал в организации студенческих протестов против режима апартеида в ЮАР, после преследований в 1964 г. был вынужден покинуть страну. В годы изгнания работал профессором в университетах Нигерии и Великобритании. Вернулся в ЮАР после падения апартеида и прихода к власти Н. Манделы (1994). Ныне занимается проблемами международной миграции и бедности. Х. Фервурд (1902—1966), премьер министр ЮАР, получил профессиональное социологическое образование, был идеологом апартеида в ЮАР. Однако в карьере ученого у Х. Фервурда не было политических крайностей: он не был ни крайним африканером-националистом, ни доктринальным сторонником белого превосходства, поддерживал совместные действия по повышению уровня социального благополучия в стране, пытаясь объединить англичан и африканеров в деятельности по социальному обеспечению на местном и национальном уровнях. Х. Фервурд строил проекты в рамках “социальной инженерии”,

¹⁵ Eurasianet. 2004. 11 Sept.

¹⁶ *Hendricks F.* The rise and fall of South African sociology // *African Sociological Review*. 2006. N 10 (1). P. 91.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Sitas A.* Thirty years since the Durban strikes: black working class leadership and the South African transition // *Current Sociology*. 2004. Vol. 52. N 5. P. 830—849.

стремился органично соединить социологию и политический активизм, настаивал, чтобы публикации и протоколы готовились параллельно и на английском языке, и на африкаанс, демонстрируя равноправие языков. Он строил планы создания Южноафриканского журнала социальных наук, а после ухода Х. Фервурда журнал “Volkswelstand” печатался только на африкаанс¹⁹.

Иногда в отношении социологической науки, особенно если ее выводы и результаты противоречат официальной позиции руководства страны, принимаются политически мотивированные решения. Так, в 2005 г. Верховный суд в Минске запретил деятельность научно-исследовательского института, который пользовался уважением и доверием за границей. Проводимые им опросы общественного мнения постоянно противоречили официальной пропаганде. После трехдневного совещания суд постановил ликвидировать Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). О его закрытии ходатайствовало министерство внутренних дел. Глава белорусского государства А. Лукашенко неоднократно говорил, что у себя в стране он не потерпит никаких революций. Белорусское руководство, видимо, было встревожено чередой “цветных революций” в некоторых бывших советских республиках²⁰.

Через революционную романтику прошел один из крупнейших социологов современности М. Кастельс (р. 1942). Выходец из консервативной семьи, он слыл политически активным студентом. В 1960 г. он примкнул к тайному леворадикальному Рабочему фронту Каталонии, борющемуся с режимом Франко. Когда в 1962 г. начались аресты друзей М. Кастельса по университету, ему пришлось тайно покинуть Испанию, не закончив образования. Став политическим беженцем, он обосновался в Париже, поступил на факультет права и экономики в Сорбонне. Позже он вспоминал о своем приезде в Париж в 1962 г.: 20-летнему политическому ссыльному нечего было терять, кроме своих революционных идеалов. В Парижском университете М. Кастельс защитил докторскую диссертацию по социологии. С 1967 по 1979 г. был инструктором в том же университете. Принимал участие в майской революции 1968 г.

Разочаровавшись в политической борьбе, М. Кастельс решил посвятить себя академической карьере. Наиболее подходящей наукой, отражающей его интерес к политическим аспектам жизни общества, он посчитал социологию. Поскольку его увлекали проблемы классовой борьбы трудящихся, то он выбрал научным руко-

¹⁹ См.: *Алли Ш., Муни К., Стюард П.* Социология в ЮАР // Социологические исследования. 2006. № 3. С.124.

²⁰ <http://www.inopressa.ru/sueddeutsche/2005/04/19/12:35:46/belorussia>

водителем французского социолога А. Турена, известного своими левыми взглядами. С 1979 по 2000 г. преподавал в американских университетах, в 2001 г. вернулся в родной Каталонский университет (Барселона). М. Кастельс — обладатель многих наград за вклад в развитие социологии, был участником программ Европейской комиссии, ЮНЕСКО и ООН.

М. Кастельс неоднократно бывал в России. В 1984 г. на рабочем совещании Всемирной социологической организации в Новосибирске он познакомился с социологом Э. Киселевой, на которой женился в 1993 г. В России он был руководителем группы зарубежных экспертов, приглашенных в 1992 г. правительством РФ. Хотя рекомендации группы М. Кастельса были отклонены, он сохранил устойчивые связи с российскими академическими кругами и часто посещает нашу страну. Скептически оценивая российскую политическую систему, М. Кастельс связывает “переосмысление России” с развитием неправительственных организаций, которые могли бы стать двигателем новых, истинно прогрессивных социальных изменений²¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алли Ш., Муни К., Стюард П. Социология в ЮАР // Социологические исследования. 2006. № 3 (*Alli Sh., Muni K., Stjuard P.* Sociologija v JuAR // Sociologičeskie issledovanija. 2006. N 3).

Бурдьё П. Социология политики. М., 1993 (*Bourdieu P.* Sociologija politiki. М., 1993).

Бурдьё П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25) (*Bourdieu P.* Za angazhirovannoe znanie // Neprikosnovennyj zasap. 2002. N 5 (25)).

Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX—XX вв. М., 1995 (*Golosenko I.A., Kozlovskij V.V.* Istorija ruskoj sociologii XIX—XX vv. М., 1995).

Кауппи Н. Социолог как моралист: “практика теории” у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция. URL: <http://scripts.online.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm> (*Kauppi N.* Sociolog kak moralist: “praktika teorii” u P’era Burd’e i francuzskaja intelektual’naja tradicija. URL: <http://scripts.online.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm>).

Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Вып. 1. СПб., 1913 (*Kovalevskij M.M.* Sociologija na Zapade i v Rossii // Novye idei v sociologii. Вып. 1. SPb., 1913).

Кукушкина Е.И. Русская социология XIX — начала XX века. М., 1993 (*Kukushkina E.I.* Russkaja sociologija XIX — nachala XX veka. М., 1993).

²¹ *Susser I.* The Castells reader on cities and social theory. Oxford, 2002; *Ince M.* Conversations with Manuel Castells. Oxford, 2003; *Stalder F.* Manuel Castells and the theory of the network society. Oxford, 2006; www.i-u.ru; www.krugosvet.ru

Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М., 2005 (*Foucault M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. Ch. 2. M., 2005*).

Эрибон Д. Мишель Фуко. М., 2008 (*Jeribon D. Mishel' Fuko. M., 2008*).

Bourdieu P. Questions de sociologie. P., 1980.

Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action. P., 1994.

Eurasianet. 2004. 11 Sept.

Hendricks F. The rise and fall of South African sociology // African Sociological Review. 2006. N 10 (1).

Ince M. Conversations with Manuel Castells. Oxford, 2003.

Sitas A. Thirty years since the Durban strikes: black working class leadership and the South African transition // Current Sociology. 2004. Vol. 52. N 5. P. 830–849.

<http://www.inopressa.ru/sueddeutsche/2005/04/19/12:35:46/belorussia>

Stalder F. Manuel Castells and the theory of the network society. Oxford, 2006.

Susser I. The Castells reader on cities and social theory. Oxford, 2002.

www.i-u.ru

www.krugosvet.ru